

*Soda
Press*

NORA SAKAVIC

**THE
SUNSHINE
COURT**

НОРА САКАВИЧ

СОЛНЕЧНЫЙ КОРТ

ВСЕ РАДИ ИГРЫ. КНИГА 4

SODA PRESS

Москва, 2026

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)-44
С15

THE SUNSHINE COURT
by Nora Sakavic

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения правообладателя.

В соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации отдельные фрагменты текста, содержащие информацию, не подлежащую распространению, были скрыты по согласованию с правообладателем.

Сакавич, Нора.
С15 Солнечный корт : роман / Нора Сакавич ; пер. с англ. — Москва : Soda Press, Эксмо, 2026. — 448 с.

ISBN 978-5-04-222584-0

«Я Жан Моро. Мое место в "Эверморе". Я принадлежу семье Морияма». Таков фундамент, на котором Жан Моро построил собственную жизнь, напоминание о том, что это лучшее, на что он может рассчитывать, и все, чего заслуживает. Но когда его забирают из университета Эдгара Аллана, ему предстоит впервые за пять лет столкнуться с реальностью за пределами «Гнезда». Лисы считают его перевод в Калифорнию шансом начать все с чистого листа; Жану же кажется, что он заперт в золотой клетке.

В то же самое время капитан «Троянцев» Джереми Нокс вот уже пятый сезон подряд не может завоевать столь желанный чемпионский трофей. Принять в свою команду лучшего защитника страны — очевидное решение, даже если этот человек — Ворон. Но Жан не чудовище, а всего лишь юноша, потерявший всякую надежду и желание бороться за свое будущее.

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)-44

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство Эксмо», 2026.
Soda Press

ISBN 978-5-04-222584-0

Иллюстрация на обложке © Kiia Kanerva

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЖАН

Жан Моро проснулся совершенно разбитым и — как и сотни раз по утрам до этого — усилием воли собрался с мыслями. Туман в голове был ему незнаком — как и тяжесть в руках и ногах. Штопая раны игроков, Джозайя обычно выдавал им универсальный ибупрофен. Даже если подчищать приходилось за Рико. Раз Джозайя выбрал что-то посерьезнее, значит, Жану не понравится то, что он увидит.

Жгучая боль сжимала его голову от затылка до макушки, скулы и нос превратились в жаркое месиво. Жан поднял казавшуюся невероятно тяжелой руку и осторожно ощупал лицо. Пальцы зацепились за знакомые грубые швы и жесткие бинты, от носа, стоило на него немного надавить, расплозлось облако боли — значит, снова сломан. В следующие несколько недель «Вороны» будут пользоваться этим, чтобы его сдерживать. Придется теперь защищаться от их высоких и жестких силовых, отступая, когда следовало бы прорываться вперед.

Шея тоже болела, но кожа на ней была цела. В помутненном сознании Жана не сразу всплыло воспоминание о том,

откуда эта боль. Когда оно, наконец, стало четким — руки Рико сжимают его горло, крепко, долго, дольше, чем всегда, — по спине Жана пробежал холодок. В ту минуту он поддался страху, забылся, попытался сбросить руки Рико. Тот в ответ безжалостно ударил его кулаком по лицу. Хозяин дух из него вышибет за то, что нарушил золотое правило: «Бей так, чтобы зрители не заметили», и от этой мысли Жану стало не по себе. Когда Рико было больно, он становился еще опаснее.

Он позволил руке медленно упасть на кровать и попытался открыть глаза. Получилось не сразу, но стоило взгляду сфокусироваться, как Жан понял: этот потолок он раньше не видел. Его продали в замок «Эвермор» пять лет назад, и каждый квадратный сантиметр этого стадиона он знал лучше, чем собственное тело. Комната, в которой он лежал сейчас, находилась не в «Эверморе» — там не могло быть такой светлой краски и широких окон. Чтобы приглушить свет, кто-то повесил на карниз темно-синее покрывало, но ярко-рыжие солнечные лучи все равно пробивались по краям и тянулись через кровать.

Больница? Жан в ужасе принялся пересчитывать пальцы на руках и ногах. Все болело, но шевелить конечностями он мог. Пальцы в этот раз целы, и это немного успокаивало, но что с ногой? Стоило сдвинуться, как левое колено пронзило болью, а сразу после этого левую лодыжку начало печь, как от огня. Не похоже, что все это быстро заживет, а между тем через несколько недель начнутся полуфиналы и первенства и играть придется с «Троянцами».

Жан рывком сел и тут же пожалел об этом. По телу от живота до шеи разлилась боль такой силы, что к горлу подступи-

ла тошнота. Стиснув зубы, он сделал медленный вдох и почувствовал, как это движение отозвалось болью по всей грудной клетке. Кровь в венах застыла, когда в голове всплыло новое воспоминание: Рико снова и снова пинает его, несмотря на попытки защититься от ударов, свернувшись в клубок. С тех пор как он сломал Жану ребра, прошло несколько лет. В тот раз Жан одиннадцать недель не мог выйти на поле. А Рико — неделю, после того как хозяин с ним закончил. Только не снова, только не снова... Но первое же прикосновение руки к левому боку заставило его скорчиться в агонии.

Жан заставил себя осмотреться, хотя от боли едва не прокусил изнутри до крови губу. Никакого медицинского оборудования в комнате не было, так что от версии с больницей пришлось отказаться. Бессмыслица какая-то: это ведь точно чья-то спальня. На приземистой прикроватной тумбочке стояли будильник, лампа и два непарных подстаканника. Вдоль дальней стены тянулся длинный комод, на котором лежали книги и украшения. Сразу за ним виднелась корзина с бельем, которое давно пора было разобрать.

А потом все потеряло значение — осталась только девушка, сидевшая напротив на невысоком стуле. Рене Уокер закинула ноги в носках на изножье кровати, а руки сложила на коленях. Лицо у нее было спокойное, плечи расслаблены, но глаза внимательно следили за Жаном. Он уставился на нее и просто ждал, когда уже хоть что-нибудь поймет.

— Доброго вечера! — после паузы сказала Рене. — Как себя чувствуешь?

На секунду он будто снова вернулся в «Эвермор» и увидел учителя, который говорит Рико о смерти Кенго. Он должен

был улететь в Нью-Йорк на частном самолете, а Рико оставался в его отсутствие присматривать за «Воронами». Тому хватило ума не возмущаться, что его не берут с собой, но он все равно беспомощно шел за учителем до самого выхода. У Жана было двадцать секунд спокойствия, и их он потратил на то, чтобы сообщением предупредить Рене. Когда Рико велел ему идти следом в Черное крыло, Жан уже знал, что его ждет, но противиться приказам Рико не мог.

Мысленно он пропустил все жестокие издевательства Рико, но в воспоминаниях после остались только размытые образы: доносившиеся откуда-то издали крики, бесконечный шум машин во время отзывавшейся болью поездки, запах сигаретного дыма и виски, исходивший от человека, который тащил его безвольное и накачанное лекарствами тело в странный дом.

«Нет, — подумал Жан. — Нет, нет, нет».

Задавать этот вопрос ему не хотелось, но это было неизбежно. Сердце словно застряло в глотке, и слова удалось выдать из себя только с третьего раза:

— Где я?

Во взгляде Рене не было ни капли сомнения или раскаяния.

— Южная Каролина.

Жан перекатился так, чтобы ноги свешивались с края кровати. Он рассчитывал встать, но боль была такой сильной, что его едва не вырвало. Воздуха не хватало, в глазах и кончиках пальцев отдавался бешеный стук сердца, и он только краем сознания понимал, что Рене встала и теперь находится прямо перед ним. Он этого даже не услышал,

только почувствовал осторожное прикосновение ее рук к своим ребрам.

— Дай мне встать, — потребовал он, как будто достаточно владел телом, чтобы подняться на ноги. Перед глазами плясали черные точки, и он попытался сморгнуть их, чувствуя, как кружится голова и жжет подступающей тошнотой горло. Чем его накроет раньше — рвотой или обмороком, — Жан не знал, но надеялся, что последовательность будет летальной. — Пусти.

— Не пущу. Ляг.

Рене положила одну руку на его плечо, продолжая другой поддерживать сбоку. Секунду посопротивлявшись, Жан понял: напрягать мышцы живота было ошибкой, повторять которую в ближайшее время не стоит. Рене помогла ему откинуться на спину и снова натянула до шеи одеяло. Потом проверила глаза — один, второй, — а когда он попытался отстраниться, зажала его подбородок между большим и указательными пальцами. Жан в ответ оскалился со всей яростью, на которую было способно его измотанное тело.

— Он тебя не простит, — сказал он. — И я тоже.

— Да, Жан, — мягко, одними губами улыбнулась Рене, — мне не будет за это прощения. Постарайся поспать. Сон поможет лучше любых лекарств.

— Ни за что, — запротестовал он, чувствуя, что уже засыпает.

Вот бы все это оказалось кошмаром.

Будь в мире хотя бы толика справедливости, Жан проснулся бы в «Эверморе», хозяин нетерпеливо ждал бы его, Рико — ненавидел. Но стоило ему вырваться из объятий

сна, как перед глазами оказалась та же комната со светлыми стенами и одинокой кроватью. Рене продолжала караулить его, сидя в изножье. Одежда на ней была другая, а из-за покрывала на окнах в комнату пробивался мягкий утренний свет, полосами ложившийся на постель. Жан прислушался к ощущениям в ногах и руках, после чего, преодолевая боль, привел себя в сидячее положение. Взгляд Рене оставался спокойным, но доверять ему не стоило. Она приговорила их обоих.

— Где я? — спросил он в надежде в этот раз услышать другой ответ.

— Южная Каролина, — произнесла Рене без колебаний. — Если точнее — в доме Эбби Уинфилд, она врач нашей команды. Сегодня пятнадцатое марта, — продолжила она, предупредив его вопрос. — Помнишь вчерашний день? Хоть что-то?

— Меня привезли вчера, — сказал Жан. Это не был вопрос, но он все же ожидал ее ответа. Невозможно было угадать, насколько сильно удары Рико задели мозг. Рене кивнула, и ему стало немного легче. Пускай целый день исчез, рассыпавшись на осколки воспоминаний о боли и обрывки разговора, — это легко списать на то, что он все это время лежал без сознания.

Очень осторожно Жан спустил ноги с края кровати. Правая послушалась, левую пришлось обхватить ноющими руками и передвинуть. Каждый вдох, каждое изменение положения тела отдавалось приступами сокрушительной боли. Слишком много серьезных травм. Боль ядом разливалась в груди и животе, уничтожая то небольшое, что от него

осталось. Мышцы горели, как в адском пекле, но бывало и хуже. Нужно выжить — любой ценой.

— Лучше бы ты лежал, — посоветовала Рене.

— Ты не сможешь меня удержать.

— Смогу и удержу. Это для твоего же блага. В твоём состоянии лучше оставаться на месте.

— Именно это ты и не дала мне сделать, — огрызнулся Жан. — Не стоило привозить меня сюда. Верни меня обратно в «Эвермор».

— Я не стану этого делать. И если тебе недостаточно такого ответа, вот другой: я и не смогу. Мистер Эндрич навсегда изгнал тебя из «Эвермора».

Жан уже слышал это имя, но не более того. Когда Рене поняла, что его молчание продиктовано растерянностью, а не яростью, ей пришлось пояснить:

— Мистер Эндрич — твой ректор.

— Мой... — У Жана сердце ушло в пятки. — Что ты натворила?

Ему удалось добраться до края кровати, но тут Рене встала и остановилась прямо перед ним, едва не касаясь колен: непреклонное и беспощадное препятствие, из-за которого он вынужден был оставаться в плену матраса.

— Я отправила его в «Гнездо». Без предупреждения и без приглашения.

— Нет, — пробормотал Жан, глядя на нее немигающим взглядом. — У него нет туда доступа. У него нет полномочий.

— Довольно грубое напоминание о том, где его место, — кивнула Рене, и в уголках ее губ мелькнула мрачная

усмешка. — Только чтобы открыть дверь, понадобилось сделать полдюжины звонков в разные учреждения и охране. Оказавшись внутри... — Она развела руками, как бы говоря: «Сам понимаешь». — Он потребовал встречи с тобой, а у «Воронов» не хватило ума отказать. Рико в тот момент был на поле, — добавила она, не дожидаясь вопроса. — Он вернулся недостаточно быстро. О, благодарю.

Последняя фраза была адресована не Жану. Он не мог повернуться и посмотреть, кто присоединился к ним в комнате, но вскоре в поле его зрения показалась женщина с подносом. Выглядела она смутно знакомой, значит, как-то была связана со спортом. Может, их взгляды уже встречались на боковой линии или на банкете. Наверняка это в ее доме его сейчас удерживали. Прикрыв глаза, Жан наблюдал, как Рене убирает с прикроватного столика вещи. Вместо них на нем появились два стакана воды, стакан светлого сока и тарелка супа.

Эбби проверила, чтобы поднос не опрокинулся, а потом повернулась к больному. В ее взгляде читалось беспокойство.

— Как ты себя чувствуешь?

Жан наградил ее холодным взглядом, но перед ним стояла женщина, которой каждый день приходилось иметь дело с Натаниэлем и Кевином. Его гнев вряд ли впечатлил бы ее. И точно — Эбби просто наклонилась вперед, чтобы изучить его раны. Бинты и швы она осмотрела совершенно беспристрастно, но прикосновение рук к плечам было легким.

— Он уже может говорить? — спросила Эбби у Рене.

— Хрипит заметно, но непохоже, что это какая-то неправильная травма.

Взяв один из стаканов, она протянула его Жану. До этого момента он и не осознавал даже, насколько хочет пить, но принимать что-то от этих двоих не собирался. Рене, похоже, решила занять выжидательную позицию и держала стакан достаточно близко, не пытаясь при этом сунуть его в покрытые синяками руки Жана. Некоторое время она наблюдала за осмотром, который проводила Эбби, а потом запоздало вспомнила, что собиралась объясниться.

— Я предложила Эндричу выбор: либо он разрешает забрать тебя домой на лечение, либо моя мать подробно и без опущений описывает все случившееся с тобой в своей статье. Неудивительно, что он предпочел купить мое молчание. В обмен на его обещание провести расследование я дала слово держать его в курсе твоего восстановления. Учитывая, как мало времени осталось до чемпионата, университет Эдгара Аллана вряд ли ждут большие перемены, но пока я согласна и на маленькие победы.

Жан даже забыл, что собирался хранить молчание:

— Это вовсе не победа, заносчивая ты девчонка.

Услышав его голос, Эбби поморщилась и осторожно коснулась пальцами его горла.

— Сделай вдох, пожалуйста.

Жан попытался оттолкнуть ее руку, но этим причинил больше боли себе, чем Эбби. Она спокойно ждала, пока он успокоится. Сохраняя мрачный вид, Жан выполнил ее просьбу. Пальцы Эбби аккуратно прощупывали его горло, отслеживая движение. Когда он вдохнул второй раз, она

поменяла положение рук, и прикосновение, раньше казавшееся неощутимым, стало настолько болезненным, что Жан, не успев сдержаться, дернулся.

— Отстань от меня, — выпалил он, пытаясь скрыть боль за раздражением. — Как мне добраться домой?

— Ты никуда не поедешь, — повторила Рене. — Эндрич исключил тебя из состава команды — или исключит, когда закончится расследование. После того как он увидел тебя в таком состоянии, путь в университет Эдгара Аллана для тебя закрыт.

— Я — Ворон и всегда им буду, — ответил Жан. — Мнение одного ничтожного человека ничего не изменит.

— Возможно, — легко согласилась Рене. Очевидно было, что она в это не верит.

— Отвези меня обратно в «Эвермор».

— Я буду повторять до посинения: ты никуда не уедешь. Я не позволю.

— Ты не имеешь права держать меня здесь.

— А он не имел права так поступать с тобой.

Жан рассмеялся — коротко и зло, — позволяя боли снова обжечь нутро. О его отношениях с Рико Рене знала больше, чем следовало бы, — а все Кевин и его безрассудное неумение держать язык за зубами. Так что она точно знала, насколько сильно ошибается. Хозяин привел Жана в команду тысячу лет назад, но «Воронов» было слишком много, и ни времени, ни энергии на то, чтобы усмирять каждого бунтующего подростка, ему не хватало. Поэтому он подарил новичка Рико, доверив ему обкатку. Рико имел право делать с ним все что заблагорассудится. Жан оставался его собственностью, пока был жив.

Хозяин был готов закопать любого Ворона за малейшую ошибку и давал волю недовольству, вымещая его на Рико. Но и Рико, стоило завершить сезон, с рвением выбивал дух из Жана, заставляя его мучиться в той же агонии, в какой пребывал сам. Жан не позволил Эндричу вмешаться, но именно по его вине Рене знала, куда идти. Теперь от дома его отделяли тысячи километров — и все потому, что ему не хватило ума промолчать.

Жан жалел, что когда-то обратил внимание на Рене. Ненавидел себя за любопытство, заставившее отвечать на ее сообщения тогда, в январе. Чертово осознание пришло слишком поздно.

— Никто со мной ничего не делал, — сказал он. — Я получил эти травмы на тренировке, когда мы боролись за мяч.

— Я работаю с «Лисами» — напомнила ему Эбби. — Даже они так друг друга на поле не калечат. А они пытаются, видит бог.

— Ничуть не удивлен, что они и в этом весьма посредственны.

— Вот это не на тренировке сделано. — Эбби очень аккуратно коснулась боковой части его головы. — Даже «Вороны» тренируются в полном доспехе, верно? Тогда посмотри мне в глаза и скажи, как кому-то удалось вырвать у тебя столько волос из-под шлема?

Жан невольно потянулся к ее пальцам и нащупал на голове пятно, отдававшееся болью сотен острых иголок. В глубине сознания промелькнуло воспоминание: одна рука зажимает ему рот, другая тянет изо всех сил. На секунду ощущение, которое он испытал тогда, вернулось с такой